

Лу Хуа, купившая и баоцзы, и маньтоу, тоже была довольна: прижимая к груди белые, пухлые, мягкие булочки, она направилась к прилавку с румянами. После её ухода желающих попробовать у баоцзы-лавки стало заметно больше. Благодаря присутствию Шэнь Хуэя никто не осмеливался безобразничать. Под голосом Лин Сина люди неожиданно выстроились в аккуратную очередь и подходили по одному.

Вкус баоцзы и маньтоу был бесспорно хорош, однако покупали их не все, кто пробовал. Нашлись и такие, кто хотел поживиться: ухватить сразу побольше или, поев, снова встать в очередь, но под холодным взглядом Шэнь Хуэя они благоразумно не решились на это.

Продаж оказалось немало: три яруса разошлись очень быстро. Лин Син поспешил продолжить лепить, передав продажу Шэнь Хуэю. После того как за прилавком встал Шэнь Хуэй, исчезли привычные фразы вроде: «Сделай подешевле» или «Дай самый большой». Всё происходило молча и чётко - деньги в обмен на товар.

Лин Син бросил взгляд на Шэнь Хуэя, который спокойно и размеренно раскладывал маньтоу и баоцзы, и вновь сосредоточился на лепке.

Людям свойственно тянуться туда, где уже собралась толпа: у их прилавка стояла очередь, заметно отличавшаяся от других лавок, перед которыми обычно толпились лишь два-три человека. Руки Лин Сина работали быстро, а сам он весело зазывал покупателей. Услышав про бесплатную пробу, даже те, кто собирался лишь мельком взглянуть и уйти, останавливались.

«Ну, съесть кусочек и пойти дальше», — думали они.

Оставшиеся два яруса тоже быстро разошлись. Пятиярусная пароварка за раз могла дать не больше пятидесяти баоцзы и маньтоу, ни на один больше.

Лин Син, аккуратно укладывая только что слепленные булочки, обратился к толпе:

— Тем, кто не успел купить, можно пока пройтись по другим местам. Следующая партия будет готова почти через полчаса.

— Ох, так долго?

— Да уж, лепёшки и пироги так долго не готовят...

Наконец-то дошла твоя очередь, а когда ты оказался у прилавка, выяснилось, что товар уже распродан. Недовольство покупателей в такой ситуации вполне объяснимо.

Лин Син и сам ничего не мог поделать: у него всего несколько пароварок. Больше и нельзя, глиняный котёл просто не выдержит веса, тут уже нужен железный.

Он с виноватой улыбкой сказал:

— Простите, правда очень неловко... Давайте так: следующую партию баоцзы я продам по пять вэнь за два. Считайте это извинением.

Говорят, протянутую руку не бьют, тем более когда тебе ещё и одну монетку уступают.

— Смотри, хозяин, ты уж держи слово, — подчеркнул мужчина, стоявший первым в очереди. — В следующий раз чтоб я снова не остался ни с чем.

Лин Син запомнил его лицо и с улыбкой кивнул:

— Конечно.

Из-за того, что первая партия разошлась, толпа понемногу рассеялась. Лин Син посмотрел на вновь опустевший прилавок и подумал, что завтра действительно нужно выходить ещё раньше. И ещё придумать, как сохранить тепло: пока дождётся, когда баоцзы и маньтоу приготовятся, много уже не продашь.

Эх, а это значит снова траты.

Стоило Лин Сину об этом подумать, как он тут же принялся ещё усерднее лепить баоцзы: надо делать больше и зарабатывать. Ему хотелось носить одежду по размеру и есть досыта.

Сюй-ци появился как нельзя кстати, как раз тогда, когда была готова вторая партия баоцзы. До этого он, устроив Шэнь Хуэя и Лин Сина, вернулся к городским воротам. Дежурный писарь был новенький, толком ничего не знал, и Сюй-ци побоялся оставлять его одного надолго, вдруг что напутает. Вернувшись, он дал ещё пару указаний и по дороге наткнулся на двоих, собиравшихся торговать курами и утками. Им тоже досталось место рядом с прилавком Шэнь Хуэя. Сюй-ци решил, что, провожая их, заодно сам купит что-нибудь у Шэнь Хуэя, чтобы поддержать знакомого.

Но, подойдя ближе, он понял, что в этом нет никакой нужды: на всей улице больше всего народу было именно у прилавка Шэнь Хуэя и его невестки.

Устроив торговцев птицей, Сюй-ци направился к прилавку с баоцзы.

— Неплохо у тебя дела идут, эрлан, — сказал он.

Из-за того, что на Сюй-ци была чиновничья одежда, пусть и поношенная, никто не смел проявить неуважение. Стоило надеть такую форму, и ты уже чиновник, «господин», человек, в чьих руках чужая жизнь и смерть. Видя, как он проходит без очереди, люди сделали вид, будто

ничего не заметили.

— У старшей невестки отличное мастерство. Перед тем как сворачивать прилавок, оставь для брата Сюй пару баоцзы и пару маньтоу, — сказал Шэнь Хуэй, продолжая раскладывать баоцзы для очередных покупателей и одновременно отвечая Сюй-ци.

Говорил он без всякого выражения, уголки губ естественно опущены, надбровные дуги нависают над глазами, из-за этого весь его облик казался суровым и резким.

Сюй-ци не раз имел дело с Шэнь Хуэем, они вместе выпивали не одну чашку. Он повидал людей куда больше, чем обычные деревенские: даже главарей горных разбойников, пусть и издали, ему доводилось видеть. Но ни один из них не вызывал у него такого ощущения, как Шэнь Хуэй. Стоит тому просто встать на месте и равнодушно скользнуть взглядом, и по спине уже пробегает холодок.

Вспомнив, что Шэнь Хуэй зарабатывает охотой, ремеслом, где руки неизбежно бывают в крови, Сюй-ци решил, что при его богатырском телосложении и внушительной внешности такая давящая аура вполне объяснима. Сюй-ци подавил поднявшееся в груди беспокойство и, чтобы скрыть то, что только что испугался давления, исходившего от Шэнь Хуэя, громко рассмеялся.

— Ладно, тогда я пойду. Этот новенький сопляк совсем ни на что не годится, глаз да глаз за ним нужен, — сказал он.

Шэнь Хуэй слегка кивнул:

— Счастливого пути, брат Сюй.

— Ага, бывай. Ты тут работай, не отвлекайся, — отозвался тот и ушёл.

Люди в очереди, увидев, что Сюй-ци удалился, незаметно перевели дух. Заодно они окончательно поняли, что с этим прилавком лучше не связываться. Прилавок хоть и небольшой, но явно не для того, чтобы кто-то вздумал шалить: хозяин - здоровяк, на вид такой, что одним ударом убьёт, да ещё и за ним, оказывается, стоит человек из управы.

Когда распродали вторую партию, уже был час Сы, по прикидкам Лин Сина, около девяти утра. Все принесённые продукты закончились. Хоть бы он и хотел продолжать торговлю, продавать уже было нечего.

Кроме того, из-за того что между первой и второй партией прошло довольно много времени, многие из тех, кто стоял в очереди за первой, за это время так и не вернулись. Вторая партия продавалась заметно хуже первой, а под конец дело и вовсе пошло вяло.

Это место находилось в стороне от рынка: поблизости стояли лишь мелкие лотки с

безделушками. Оживлённо здесь бывало только по утрам да под вечер. К полудню же становилось пустынно: поток людей резко редел, а редкие прохожие спешили по своим делам и не задерживались.

Собираясь сворачивать торговлю, Лин Син завернул в промасленную бумагу два баоцзы с тофу и две маньтоу. Вымыв глиняную чашку, он вместе с угощением отнёс её хозяину лапшичной лавки.

— Чашку я помыл. Возьмите баоцзы, попробуйте на вкус. Спасибо, что одолжили посуду, без неё я сегодня и воды бы толком не попил, — с улыбкой сказал Лин Син, протягивая свёрток.

Торговец и не ожидал получить угощение. Их прилавки стояли недалеко друг от друга, и за это время он уже знал, что диковинная новинка под названием «баоцзы» продаётся по три вэня за штуку, а маньтоу - по четыре.

Он сам торговал лапшой и, глядя на размер баоцзы и пампушек, тоже думал, что этот мелкий торговец слишком уж честен в своём деле. Такие большие, да ещё и из хорошей муки, без всяких примесей, где ж тут заработать!

Хозяин лапшичной отнекивался от угощения: всё вместе тянуло больше чем на десяток вэнь, как он мог это принять? На смуглом, худом лице торговца читалась искренняя неловкость:

— Малыш, ты уж слишком любезен. Я всего-то одолжил чашку, чтобы воды попить, как же я могу брать у тебя еду?

Лин Син ещё раз протянул свёрток вперёд:

— На самом деле я хотел попросить вас об одном деле. У меня пропал младший брат, ему сейчас пять лет. Глаза большие, над губой маленькая родинка. А ещё на тыльной стороне левой руки есть шрам от ожога по форме как полумесяц. Если увидите мальчишку, похожего по описанию, прошу, обратите внимание. Вам не нужно ничего делать, просто скажите мне, где вы его видели.

Это было единственное желание, оставшееся у прежнего хозяина тела, и Лин Син всегда держал его в памяти.

Согласно воспоминаниям прежнего хозяина тела, Лин Син подробно описал приметы Лин Юэ. Ребёнка мачеха продала в одном из городков поблизости от деревни Сяо Лю - либо в город Юнься, либо в чуть более далёком Юэване.

Лин Син собирался рассказать не только этому хозяину лапшичной, он хотел поговорить и с другими торговцами. Но сейчас у него не было лишних денег, чтобы угощать всех подряд баоцзы и маньтоу, так что приходилось действовать постепенно, по одному.

Под конец он добавил, что за любую полезную зацепку обязательно отблагодарит. Хозяин лапшичной, оглядев его поношенную одежду, всё же принял угощение.

— Когда у людей пропадает ребёнок, для родителей нет ничего тревожнее. Какая уж тут награда. Я возьму эти баоцзы с маньтоу. Не переживай, — сказал он. — Я, Ван Юмай, обязательно буду приглядываться и помнить.

Лин Син просиял:

— Спасибо, брат Ван.

Поблагодарив, Лин Син назвал своё имя. Ван Юмай мельком посмотрел на него и, не заметив, чтобы тот как-то скрывал метку фертильности, между прочим спросил:

— Ты младший брат Лин или Лин-гер?

Лин Син на мгновение замер, а затем спокойно ответил:

— Лин-гер.

<http://bllate.org/book/13938/1270544>